

КНИГИ

Газета 2004-29 июля с. 11

жуки в тумбочке

издан новый рассказ Виктора Пелевина

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Книга Пелевина «Жизнь насекомых» отличается от большинства других его произведений тем, что в ней сделан более или менее различимый акцент на философское содержание, которое в данном случае более важно, нежели игровое или полемическое. Новый рассказ «Свет горизонта», дополняющий свежее переиздание «Жизни насекомых», в этом смысле наследует роману и даже превосходит его, воспроизводя при этом старую добрую эстетику наркотического трипа.

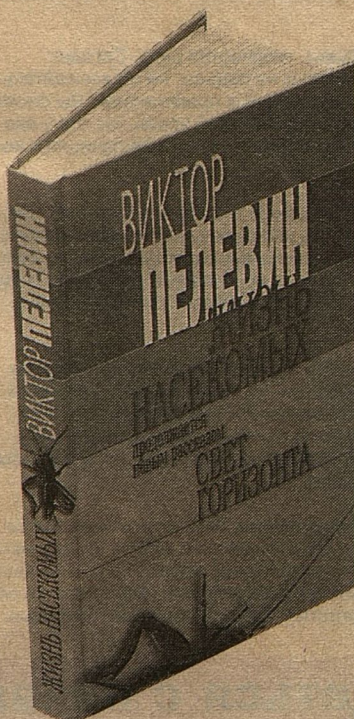
Когда Пелевин пытается воссоздать мышление насекомых, у него получаются популярные — хотя и не всегда внятные — конспекты некоторых сугобо человеческих философских достижений. Или же, наоборот, обманчивая литература, которая сначала провоцирует философское прочтение, а затем все же оказывается беллетристикой, не выходящей за строго определенные рамки. В этих рамках может уместиться внешне красивая эрзац-философия — но не какая-либо другая. Здесь читатель может почувствовать насмешку над своей серьезностью, порожденную подобием философского разговора. В этом состоит острота, ощущать которую приятно. Тем не менее автор-парадоксалист, похоже, все-таки претендует на то, чтобы быть серьезным и, более того, что-то открывать и проповедовать. В случае Пелевина это раздражает. Но, может быть, и должно раздражать? Может быть, это тоже часть провокативного плана?

Рассказ «Свет горизонта», в известном смысле продолжающий «Жизнь насекомых», обнаруживает одну формальную особенность, роднящую его с чисто философскими произведениями. Имея как минимум два плана действия, он все же строится на диалоге, который, в отличие от диалогических фрагментов в романах того же Пелевина, играет роль основы всего текста. А говорится там, страшно произнести, о фундаментальных проблемах мироздания. То есть Пелевин как бы подражает Платону. Что ж, стремление стать лучше нужно приветствовать всегда — даже когда надеяться особо не на что. Если у Платона Сократ подводит своих собеседников к принимаемому им в качестве истины исключительно с помощью логики, заставляя формулировать выводы самостоятельно, то в пелевинском рассказе ночной мотылек Дима, знакомый нам по «Жизни насекомых», больше похож на проповедника или визионера. Он ведет себя как безусловный носитель сокровенных и якобы естественных идей, которыми делится с мотыльком Митей, также переживавшим в рассказ из романа. Делает он это, конечно, с буддийским спокойствием. Мудрость мудростью, но цимес-то все же в имидже: здесь Дима, даром что мудрец, косит под своего создателя — в смысле не под Бога, а под Пелевина.

Что касается Бога, то беседующие мотыльки, оказываясь в черной дыре, как раз пролетают над Его могилой. В черную дыру, как учит Дима, проваливается все, для чего в уме заведены бирки или ярлыки (читай: понятия и языковые обозначения). То, что

видит или знает жук-скарабей (иначе — представитель насекомого человечества) — лишь отражение ярлыков, под которые он подгоняет элементы мира. А сознание, или «я», порождающее эти ярлыки, — это навозный шар, который дурак-скарабей толкает перед собой. Не надо вам, господа, никакого шара. Ваше истинное «я» — это зеркало, которого вы не видите, потому что оно везде и нигде. И так далее.

Там еще много любопытного — и про природу времени, и про логический парадокс, называемый тумбочкой Рабиновича. Есть также лиричный прорыв в другой, более конкретный план реальности. Одно плохо. Если все обстоит так, как говорит Дима, то не следует столь многозначительно намекать на истину, ибо она — очередной ярлык, и не более. Если же она действительно существует, то Дима не прав. Второе вероятнее. Так и видишь, как автор, эклектично пощипывающий траву восточных философских систем, толкает перед собой свой бумажный шар и исчезает за горизонтом в лучах истины, неизвестной самонадеянным мотылькам.

Виктор Пелевин. Жизнь насекомых: Избранные произведения. — М.: Эксмо, 2004. — 288 с.